

ОНТОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СПЕЦИФИКА ПРАВОВОЙ ВИНЫ, ЕЁ ОТЛИЧИЯ ОТ РЕЛИГИИ И МОРАЛИ

Анализируется феномен вины в правовом поле социального взаимодействия людей. Определяется специфика вины в сфере права в сравнении с ее анализом в сфере психологии.

Ключевые слова: онтология, вина, экзистенция, право, мораль, религия.

У статті подано аналіз феномену провини в правовому полі соціальної взаємодії людей. З'ясовано специфіку провини у сфері права порівняно з її аналізом в галузі психології.

Ключові слова: онтологія, провинна, екзистенція, право, мораль, релігія.

In the article the analysis of the phenomenon of guilt is given in the legal field of social cooperation of people. The specific of guilt is found out in the field of right by comparison to its analysis in industry of psychology.

The keywords: ontology, guilt, existention, right, moral, religion.

Обращение к праву никогда не является отвлеченным любопытством. Право дает нам возможность ответить на тот вопрос, который в противном случае оставался бы без ответа. Можно предположить, что в качестве такового можно назвать вопрос о вине. И в самом деле: если мы знаем, кто виноват, все остальное уже в достаточной мере ясно. Таким образом, представляется, что именно с данного вопроса начинается правовое вопрошание, составляющее бытие права. В противном случае право являло бы собой всего лишь абстрактную совокупность норм, существующую исключительно в сознании людей. Феномен вины, следовательно, есть то, что открывает праву онтологическое измерение. Вместе с тем вина есть экзистенциальная возможность человека. В силу этого вопрос о вине актуален не только для философа, спрашивающего о бытии права, но и для всякого человека, вовлеченного в правовое событие и вынужденного определять свой статус применительно к нему.

Проблема вины в её экзистенциально-правовом аспекте до сих пор не нашла своей разработки в философско-правовой литературе. Некоторое внимание данному вопросу уделено в работах В. В. Бибихина, Г. Гуссерля, А. Кауфмана, Дж. Кона, Ю. Е. Пермякова [1; 8; 19; 7; 4]. Среди отечественных юристов-практиков подобная проблема вообще не поднимается, поскольку исчерпывающий (с практической точки зрения) ответ дан в ст. 23 Уголовного кодекса Украины: «Вина есть психическое отношение лица к совершенному деянию, предусмотренному настоящим Кодексом и его последствиям, выраженное в форме умысла либо неосторожности» [3]. Однако представляется, что сведение феномена вины к исключительно психологическому аспекту оставляет невыясненным вопрос о его связи с правом: в силу указанной формулировки собственно правовой вину делает не само деяние либо его последствия, но то, записаны ли таковые в Кодексе или нет. Однако лицо может вообще не иметь понятия о том, как относится закон к совершенному им деянию, и,

следовательно, вина приписывается к поступку лишь «задним числом». При этом, как известно, по общему правилу незнание закона не освобождает от ответственности, т. е. не устраняет вину, не делает лицо невиновным. Но по какому праву тогда вообще возможно судить людей за совершенное? Не является ли виновность в таком случае просто юридической конструкцией, призванной *post factum* оправдать уголовное преследование лица со стороны государства?

Ответ на данный вопрос в рамках юридической науки, использующей в качестве основного метод юридической догматики, т. е. признающей свои конструкции за априорное должное, невозможен. Этим вызвано обращение к философско-правовому способу осмысления. Таким образом, целью настоящей статьи будет анализ феномена вины как экзистенциальной основы правосудия.

Прежде чем обратиться вплотную к философско-правовой разработке данной проблемы, необходимо разрешить одно затруднение. Собственно, на каком основании о вине говорится как об исключительно правовом феномене? Как минимум, мораль и религия также претендуют на него. Поэтому для выявления правовой специфики вины вначале следует критически отграничить поле исследования от морально-религиозных аспектов.

Для того чтобы онтологически соразмерно осмыслить эту дифференцию, требуется реконструировать те ситуации, в которых возникает вопрос о вине в праве, морали, религии. Ведь данный феномен является ответом на вопрос, обусловлен им.

Вина в религии возникает как индикатор нарушения высших религиозных догм при определении посмертной судьбы человека. Собственно, вина/невиновность есть ответ на вопрос: какова судьба человека после смерти? Рай или ад? В силу этого религиозная вина не принадлежит нашему миру. Следовательно, вина как религиозный феномен есть нечто трансцендентное: прерогатива судить о ней принадлежит исключительно Богу.

Вина как моральное явление, напротив, принадлежит всецело нашему миру. Этот мир настолько «собственно наш», что подлинным субъектом морального суждения о себе могут быть только я сам. Так, Кант, отстаивая моральную автономию субъекта, утверждал, что морально лишь то явление, исток которого находится в нас самих, а не во внешнем мире. Отсюда следует, что в моральном смысле осудить себя могут лишь я сам: все суждения о моей вине иных людей будут для меня чем-то трансцендентным. В силу этого вина в моральном измерении является исключительно трансцендентальным феноменом.

Итак, вина, взятая в правовом разрезе, есть нечто, не принадлежащее ни к трансцендентной (как в религии), ни к трансцендентальной (мораль) сфере. Где же она пребывает? Для осмысления данного феномена мы попробуем реконструировать тот вопрос, ответом на который и будет являться вина в её правовом срезе.

Вопрос о вине традиционно возникает при поиске причин и оснований, приведших к определенному – бедственному – положению дел: сама вина исходно и означает причину, исток [2, с. 204]. При этом поиск виновного носит не отвлеченно-праздный характер – именно нахождение виновного как раз и позволяет устранить угрожающий характер того события, которое заставляет нас задавать вопрос о вине.

В силу этого можно предположить, что исходно вопрос задается не человеком (который лишь артикулирует его), но самим происшествием, обстоятельствами, которые для своего осмысления «требуют» ответа на него. В чем суть данного «требования», еще предстоит выявить.

Итак, локализации феномена правовой вины помогает происшествие. Очевидно, что не любое происшествие требует поиска виновных: например, при наводнении задавать такие вопросы абсолютно бессмысленно, но при прорыве плотины – можно. Этот пример явственно демонстрирует, что вина в праве принадлежит не к трансцендентной – потусторонней и не к трансцендентальной – замкнутой в скорлупе «Я», но к сфере совместного бытия людей.

Выше вина была охарактеризована нами как причина, повод, исток определенного – угрожающего – положения дел, а также как ответ на вопрос, заданный такими обстоятельствами. Если свести эти вопросы в один, получится: кто есть та причина, которая привела к возникновению определенных – общественно опасных – последствий? В силу этого, если феноменологически эксплицировать данный вопрос, он распадется на следующие: «Кто виноват?», «Перед кем виноват?» и «За что виноват?».

Вина в праве всегда неразрывно сопряжена с деянием. Если в религии виновным можно стать и за греховные мысли, а морально можно чувствовать себя виноватым за неосторожные, резкие слова, то сфера права – виновное действие. При этом виновность – это не обязательно «осознанное нарушение закона». Закона человек может и не знать, что не освобождает его от ответственности. «За что» вины всегда исходно не «за нарушение закона», а скорее «за причинение вреда». «Причинение» при этом отнюдь не стоит понимать буквально: например, при неосторожных преступлениях прямой причинно-следственной связи между деянием и последствиями может и не быть. «Причинение» есть нечто более исконное: «человек как причина», т. е. основание того, что произошло.

Однако что такое этот «вред», который экзистенциально столь близок человеку, что сама неотъемлемость его осознания фактически презюмируется законодателем как основа для привлечения лица к ответственности? Здесь мы переходим ко второму поставленному ранее вопросу: «перед кем» вины.

При гражданско-правовом деликте либо при преступлениях против личности подобный вопрос, как правило, не ставится в силу очевидности ответа на него: как перед кем? Конечно, перед лицом, пострадавшим от такого деяния. Интереснее эта проблема звучит для преступлений с формальным составом: ведь если в преступлениях с составом материальным мы еще можем прикрыться конструкцией «интересы государства и общества» (которая, правда, тоже порождает более вопросов, нежели дает ответов), то при формальном (либо также усеченном) составе обнаружить вред достаточно затруднительно.

Осмыслить это явление можно, вспомнив то, что всякое деяние, «за что» «перед кем» вины, существует не в абстрактном мире, но всегда направлено на конкретный правопорядок, «вплетено» в него, воздействуя нейтрально, позитивно либо негативно [б, с. 120]. Очевидно, что право более всего интересуется последний вариант. Именно

негативные для правопорядка последствия деяния есть то, что в основном и конституирует статус деяния как правового.

В силу этого можно предположить, что «перед кем» правовой вины изначально есть «перед чем» правопорядка. «За что» виновного деяния всегда есть «перед чем» правопорядка. Всякое правовое деяние находится «перед» правопорядком как нарушающее его либо способствующее ему.

Отсюда можно прийти к третьему вопросу: о «кто» виновного. Здесь необходимо строго разделять два аспекта, которые можно условно назвать «экзистенциальным» и «фактическим». «Фактически» вопрос в том, какое же именно лицо совершило деяние – то, которое пребывает перед судом, либо же иное. «Экзистенциальный» же формат вины предполагает постановку вопроса о «кто» как статусе лица в данной правовой ситуации: «кто оно есть на самом деле», исходя из совершенного им? Причинило ли его деяние вред правопорядку, или нет? Несложно заметить, что «фактическим» вопросом задаются, прежде всего, те, кто находится как бы «вне» или «над» ситуацией: свидетели, зрители, прокурор и т. п. Вопрос же о так называемом «статусе» задает, прежде всего, сам человек, о бытии которого спрашивается в ходе правосудия: есть ли он преступник, либо честный человек. Само же правосудие сообщает правовому вопрошанию особое измерение, где противоположность между «внешней», «фактической», и «внутренней», «экзистенциальной», постановкой вопроса о «кто» виновного снимается.

В силу изложенного можно прийти к выводу, что правовая вина есть особый статус лица («бытие-виновным»), которое есть причина вреда, причиненного правопорядку. Однако что в таком бытии человека позволяет по праву судить его, делает его подсудимым?

Восстановим основные вехи нашего мыслительного пути. Ранее нами было спрошено об основании правовой ответственности человека как о его возможности предстать перед судом. В противоположность «нарушению закона» в качестве такового было названа «вина как причинение вреда правопорядку». При этом невыясненным остался вопрос о «требовании» события осмыслить себя и также о «вреде», молчаливое осознание которого фактически презюмируется законодателем как основа для преследования лица.

Ранее уже было сказано, что вина принадлежит царству совместного бытия людей. Как пишет М. Хайдеггер, к структуре бытия человека – сиюбытности (нем. *Dasein*) – всегда принадлежат уже-доступные, открытые ему Другие. Сиюбытность есть всегда бытие-с, событие (нем. *Mitsein*) [7, с. 117–120]. При этом дело не обстоит так, что наличный вначале один человек в какой-то момент времени внезапно устанавливает связь с подобными себе. Напротив, всякое фактическое установление такой связи только лишь и может иметь место на основании этой предварительной «вписанности» бытия Другого в мое бытие.

В силу этого можно предположить, что человеку изначально, до всякого позитивного законодательства открыты те условия, которые делают возможным всякое фактическое бытие-с-Другими. Ссылка позитивистов на то, что здесь мы имеем нормы морали, а не права, несостоятельна, так как, как было рассмотрено

ранее, мораль в силу своей трансцендентальности делает невозможной какую-то общую оценку. Мораль у каждого своя, и, устанавливая какие-то общие для всех моральные нормы, мы неминуемо а) устраняем моральную автономию субъекта и б) превращаем данные нормы в общеобязательные, т. е. правовые (хотя бы и именовали таковые моральными).

Таким образом, правовая вина коренится в онтологической структуре человека – сиюбытности, а именно там, где речь идет о *возможности* совместного бытия. Внешне угон чужой машины ничем не отличается от использования чужого транспорта в случае крайней необходимости, однако мы считаем преступлением лишь первое из указанных деяний, а не второе, так как последнее не разрушает, но, напротив, сохраняет возможности события. Сказанное несколько проясняет тот загадочный феномен «вреда», о котором шла речь выше. «Вред» отнюдь не есть просто фактический ущерб, причиненный другим людям, но именно *невозможность* совместного бытия. Так, например, победа в боксерском поединке неминуемо связана с причинением вреда проигравшему, однако в силу того, что возможности события не задеты, такое деяние не считается преступлением.

Отсюда можно предположить, что загадочное требование события «осмыслить» себя есть ничто иное как необходимость поставить вопрос о вине для сохранения возможности совместного бытия людей. Если подобный вопрос систематически не будет ставиться, то это неминуемо приведет к гибели общества в целом.

В ходе постановки и ответа на данный вопрос необходимо раскрыть истину: кто стал причиной того события, которое явилось угрожающим для правопорядка. При этом необходимо иметь в виду, что некоторые события лишь видимо ставят под угрозу возможности совместного бытия людей, на самом деле не являясь общественно опасными. Несложно отметить, что в первом предложении данного абзаца речь идет о том, что ранее было названо нами «фактическим» аспектом вины, а во втором – об «экзистенциальном».

Ключевым здесь является вопрос о «нахождении виновного». Правосудие, как известно, не просто «ищет виновного», но и осуждает его. «Поиск» означает здесь не обязательно физический розыск лица, скрывающегося от ответственности. Дело в том, что лицо, виновное в причинении вреда правопорядку, в манифестации невозможности события для иных людей потеряно. Своим деянием оно как бы разрушает те пути, которые связывают его с Другими, делают возможным «сообщительность» с ними. Преступник как бы «выброшен» из мира, самим фактом своего бытия неся угрозу ему.

В силу этого поиск и последующее осуждение виновного как бы «восстанавливают» нарушенные пути, возвращают правонарушителя к людям. Ярким примером такой «элиминации из события» является нарисованная Достоевским картина переживаний Раскольникова, который вследствие совершенного преступления не находит себе места в мире людей: его статус «постороннего» может быть изменен лишь раскаянием и наказанием.

Итак, отсюда становится очевидно, что вина в области права отнюдь не является просто «психическим отношением лица к совершенному деянию и последствиям,

предусмотренным законом». Данное понятие вины базируется на гораздо более глубокой основе: вина есть причина несовместимого бытия людей, сохранить и восстановить которое возможно лишь посредством поиска и осуждения виновного.

Однако в чем коренится указанная выше возможность человека порождать причинно-следственный ряд события, угрожающего правопорядку? Потерян ли правонарушитель только для общества, либо же и сам для себя? Носит ли таким образом правосудие лишь «общий», либо же и «частный» смыслы? Ответ на эти вопросы заставит нас обратиться к соотношению судьбы, свободы и права, которые и могут послужить темой дальнейшего разыскания.

Литература:

1. Бибихин В. В. Введение в философию права / В. В. Бибихин. – М. : Ин-т философии РАН, 2005. – 345 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – Т. 1: А – З. – 550 с.
3. Кримінальний кодекс // Голос України. – 2001. – 19.06.2001. – № 107.
4. Пермяков Ю. Е. Основания права / Ю. Е. Пермяков. – Самара : Юниверс-груп, 2003 – 496 с.
5. Стомба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права / А. В. Стомба. – Х. : Диска+, 2006. – 176 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – 452 с.
7. Cohn G. Existentialism and Legal Science / Cohn G. – New-York : Occana publications inc., 1967. – 148 p.
8. Husserl G. Recht und Zeit. 5 Rechtphilosophisches Essays / Husserl G. – Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1955. – 225 S.
9. Kaufmann A. Ontologische Struktur des Rechts / Kaufmann A. // Rechtsphilosophie im Wandel. – Frankfurt am Maine : Stationeneines Weges, 1972. – S. 104–134.